

Теология в системе гуманитарного знания

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338)

УДК 322:28+376/.378(470+571)

ВАК 26.00.01

Формирование системы мусульманского образования как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма

В. В. Самородова

*Министерство науки и высшего образования Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
samorodova-vm@mon.gov.ru*

Аннотация: в статье прослеживается взаимосвязь между радикализацией настроений определённой части исламизированной молодёжи с усилением пропагандистской работы идеологов экстремизма и терроризма, активно использующих псевдорелигиозные лозунги и идеи, провоцирующих вызовы общественной аномии. Обозначается в качестве наиболее успешного проекта, снижающего уровень не критичного восприятия молодыми людьми в республиках со значительным мусульманским населением идеологических диверсионных «ловушек», сотрудничество государственных и мусульманских религиозных структур в сфере развития исламского образования в России. Создание собственной конкурентоспособной системы подготовки национальных теологических кадров и специалистов мусульманского вероисповедания в интересах духовных управлений автором рассматривается как важный фактор противодействия деструктивным идеям экстремизма и терроризма. Государственная поддержка исламского образования создаёт реальные возможности для реализации задачи воссоздания отечественной мусульманской богословской школы в России, построение которой в современных условиях проходит при взаимодействии исламских вузов с государственными университетами и координирующей роли Минобрнауки России. Являясь федеральным органом исполнительной власти, ответственным за разработку и осуществление государственной политики и правового регулирования в области образования, науки, министерство принимает активное участие и в реализации программы развития исламского образования в России и соответствующей образовательной деятельности.

Ключевые слова: аномия; исламское образование; противодействие экстремизму и терроризму; молодёжная среда

Для цитирования: Самородова В. В. Формирование системы мусульманского образования как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):329–338. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338).

The system of Muslim education in Russia as a way to combat the Islamic extremist ideology

Vera V. Samorodova

*Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, samorodova-vv@mon.gov.ru*

Abstract: the article deals with the connections between the radical feelings of a part of the newly Islamized youth on one hand-side and the propaganda increase of Islamic extremists who use pseudo-Islamic slogans in order to provoke public disorder on the other. The author claims that the best results in helping the Muslim youth to avoid the ideological traps can be achieved when the State cooperates with Islamic educational bodies. She points out that the most effective tool to fully achieve this goal can be the well-structured national system of Islamic religious education. The support and attention from the State is one of decisive factors in revival of the Muslim theological schools in Russia. In the present situation the important role in this process plays the Ministry of Education and Science of Russia. Being a State regulator in the field of education and science, the ministry is actively involved in the implementation of the program for the development of Islamic education in Russia.

Keywords: disorder, public; education, Islamic; terrorism; extremism Islamic; youth

For citation: Samorodova V. V. The system of Muslim education in Russia as a way to combat the Islamic extremist ideology. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):329–338. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-329-338).

В последние годы всё мировое сообщество столкнулось с заметным ростом радикальных общественных настроений, особенно в молодёжной среде, приводящим к широкому распространению различных идеологий экстремизма и терроризма. Несмотря на серьёзные усилия государств и даже целых военно-политических блоков, с привлечением значительных сил и средств, остановить этот процесс и полностью ликвидировать экстремистские и террористические организации пока в полной мере не удаётся.

Лидерами преступных организаций иницируются длительные по времени и масштабные по своему охвату идеологические диверсии, в том числе с использованием интернет-технологий, обладающих возможностями трансформации массового сознания и поведения людей [1]. Разрушительным задачам диверсионно-психологической служат оказываются ресурсы глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которая в условиях информационного общества становится «главной площадкой идеологической борьбы» [2]. На службе у террористов оказывается и феномен всеохватности и зрелищности телевидения, других электронных средств массовой коммуникации: расчёт делается на то, что поражающая способность посттравматического стресса достигает не только непосредственных жертв терактов, но и их «зрителей» – людей, оказавшихся очевидцами травматического события или наблюдавших его по каналам СМИ (см., например, [2; 3]).

Характерной особенностью современного экстремизма¹ является попытка злонамеренного, весьма циничного и кощунственного построения пропагандистской и идеологической работы на националистических и религиозных лозунгах и идеях, широкая эксплуатация тезисов о необходимости защиты своей идеологии. Преследуется очевидная цель – и в этом, по мнению исследователей, состоит одна из отличительных особенностей современного терроризма – уничтожить духовно-творческий потенциал нации, уstrasшить и деморализовать население [5].

Не случайно проблема деятельности радикальных общественных объединений, группировок, организаций и частных лиц с использованием националистической и религиозно-экстремистской идеологии, направленной против единства и территориальной целостности Российской Федерации, её традиционных духовно-нравственных ценностей, поставлена на третью позицию в Стратегии национальной безопасности России² по значению среди основных угроз государственной и общественной безопасности.

Несмотря на то что по профилактике экстремизма и терроризма за последние годы подготовлено значительное число научных трудов, разработаны различного рода теоретические и практические рекомендации, жизнь не стоит на месте. Она требует от нас фактически перманентного совершенствования этой работы, повышения эффективности соединения научных разработок с повседневной практикой.

Очевидно, что борьба с экстремизмом охватывает широкий комплекс мер политического, экономического, правового, идеологического, культурно-образовательного, просветительского и даже военного характера. Как представляется, в этой работе особенно важно сосредоточиться на вопросах и конкретных проектах по идеологическому противодействию распространению радикальных идей среди современной молодёжи, которая предпочитает в качестве источника информации интернет-ресурсы, социальные сети, форумы³, однако далеко не всегда оказывается способной дать адекватную оценку навязываемым ей создателями контента инородным и даже чуждым ценностям.

Р. Инглхарт и К. Вельцель, обращая наше внимание на одну из особенностей, которая свойственна молодой личности в период её формирования, отмечают: «...люди не всегда “впитывают” все те ценности, что общество им внушает. С наибольшей вероятностью они примут на вооружение те ценности, которые соответствуют их непосредственному опыту в период становления личности, и откажутся

¹ В научной литературе экстремизм трактуется как «агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными внешними проявлениями которого являются, во-первых, нетерпимость к мнению оппонента, ориентированного на общепринятые в данном обществе нормы; во-вторых, склонность к принятию крайних (силовых) вариантов решения проблемы; в-третьих, непринятие консенсуса как ценности и делового инструмента каждодневной деятельности; в-четвёртых, непринятие прав личности и её самой как самоценности» [4, с. 80].

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. *Российская газета*. 2015. 31 дек.

³ См., например: Социологическое исследование «Молодёжь и информация». Режим доступа: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoe-issledovanie-molodezh-i-informaciya/>

от тех, которые ему не соответствуют. В результате создаётся возможность для изменения ценностей в процессе смены поколений. Если социализация молодых происходит в условиях, существенно отличных от тех, что определяли характер представителей предыдущих поколений, ценности общества в целом постепенно изменятся за счёт естественного воспроизводства населения» [6, с. 151].

Трудно спорить с тем, что в эпоху «третьей волны» одним из важнейших факторов, также участвующих в процессе «естественного воспроизводства населения» становится информация, она оказывается тотальным «участником» любых связей, а каждый человек – создателем и потребителем глобальных информационных ресурсов, как мы отмечали в одной из наших работ. Вместе с этим «формируются и новые риски жизнедеятельности (манипулятивные воздействия на массовое сознание; социальное и виртуальное неравенство; информационные атаки; информационные зависимости и проч.), порождённые неустойчивостью состояния и обусловленные нарушением процессов принятия решений, существенным ускорением жизни, сменой реальности в сложных турбулентных условиях жизнедеятельности» [7, с. 2].

С учётом того, что основным объектом деструктивного идеологического воздействия религиозных экстремистов и фанатиков становится молодёжь, причём молодые люди, начиная с возраста 14–15 лет, обществу необходимо начинать выстраивать антиэкстремистскую идеологическую работу уже на стадии средних классов общеобразовательных школ, логически продолжая её в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. При этом надо понимать, что в последнее время мы сталкиваемся и с ростом активности деструктивных псевдорелигиозных сект и политических сил, эксплуатирующих религиозную тематику, или просто маскирующихся под религиозные организации, но цель их одна – подтолкнуть население, в первую очередь молодёжь, к дезорганизации общественного порядка, разрушению традиционных норм и социальных регуляторов – словом, к состоянию *аномии* или «беспорядка», если, следуя Д. Норту, так определять это понятие [8].

Рассматривая возможные варианты реакции сообществ и индивидов на ситуацию аномии, в том числе такой компенсаторный механизм, как идеологии, И. В. Стародубровская указывает: «Аномия в первую очередь формирует запрос на снижение неопределённости, причём не только институциональной, но и, так сказать, ценностной. В условиях аномии... у людей теряется точка опоры, чёткое представление о том, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, ради чего стоит жить [9, с. 78]. Исследователь на примере одной из северокавказских республик, пережившей в период с конца 1980-х – начала 1990-х гг. «тяжелейший экономический, политический и идеологический кризис, вызванный падением коммунистического режима и распадом СССР» [9, с. 77], убедительно показывает, как в ситуации аномии разрушались традиционные нормы, делая особый акцент на распространении идеологии исламского фундаментализма в Республике Дагестан и роли глобализации в этом процессе, «в том числе

и специфически исламской, связанной с массовым выездом молодёжи в центры исламской мысли для получения образования...» [9, с. 77–78]. Линейная связь между влиянием исламско-фундаменталистской идеологии на выбор дагестанской молодёжи, пожелавшей предпочесть открывшееся ей «окно возможностей» в мир «истинного ислама» как компенсаторный механизм аномии, может и не быть вполне очевидной. Впрочем, как напоминает Ирина Стародубровская, «исламский фундаментализм предполагает признание ценности знаний (и светских тоже!), уважение к закону, здоровый образ жизни, осознание права на социальный протест» [9, с. 86], да и (по Д. Нортю) сами «...идеи, организованные идеологии и даже религиозный фанатизм играют очень важную роль в формировании обществ и экономик» [10, с. 65].

В этом контексте широкое обсуждение возможности более глубокого, прежде всего в ознакомительно-культурологическом аспекте, изучения основ мировых религий в школах – не только на Северном Кавказе, а и по всей России – имеет особую актуальность. Специалисты предлагают ввести соответствующие курсы в 7–9 классах, при этом учащиеся должны будут получать знания по всем основным религиям, а не сосредотачиваться исключительно на своей. Это, по их мнению, позволит, во-первых, охватить знаниями практически 100% учащихся, во-вторых, провести с ними в рамках этой программы психологические тренинги по невосприимчивости к деструктивной псевдорелигиозной пропаганде, в-третьих, осуществить патриотическую и воспитательную работу по формированию у подростков гражданской и религиозной идентичности, понимания того, что родное государство и свобода вероисповедания для российского гражданина – это понятия неразделимые. В этой связи нельзя не отметить, что, например, вербовщики запрещённых в Российской Федерации экстремистских организаций при формировании у своей жертвы мотива возможного сотрудничества против отошедших от норм «чистого ислама», как раз делают акцент на разрыв понятий Родины и веры, ставя перед молодым человеком вопрос, что для него приоритетней: обязанности перед государством или личная ответственность перед Богом.

И, наконец, в-четвёртых, курс поможет детям лучше понимать и воспринимать религии друг друга.

Параллельно выдвигается предложение провести специальные краткосрочные курсы для родителей старших школьников по выявлению признаков вербовочной работы с подростками деструктивных сект и религиозных экстремистов.

Эти и некоторые другие предложения активно обсуждаются в обществе, в том числе с участием основных религиозных организаций России. В ходе широкой дискуссии, как нам представляется, услышан голос тех специалистов, кто, ратуя за то, чтобы в процессе объективной подачи учебного материала по данному курсу приглашались преподаватели, проявляющие уважение к представителям различных конфессий, не превращающие курс лекций «в апологетику той или иной религии, оставляя право выбора за самим обучающимся» [11, с. 262].

В развитие ранее выдвинутого нами тезиса о том, что «основными жертвами разного рода экстремистских пропагандистов и вербовщиков являются молодые люди с крайне низким уровнем знаний, социально неадаптированные, не имеющие чётких жизненных ориентиров» [12, с. 4], добавим следующее: в силу неспособности критически оценивать предлагаемые молодым реципиентам экстремистских установок идеологических эмиссаров, их внешне привлекательные тезисы и аргументы, тем более подкреплённые якобы религиозной фразеологией, на современном этапе перед всеми образовательными и воспитательными учреждениями и организациями нашей страны ставится комплексная задача, включающая в себя не только исключительно образовательные функции, но и формирование правильных духовно-нравственных ориентиров.

Необходимо не только дать молодым людям знания, но окружить их заботой, неформально привлечь к общественной жизни, решению насущных проблем общества, вовлечь их в активную работу по линии молодёжных организаций и объединений. Только так можно сформировать патриотически настроенную личность, реально способную поставить непреодолимый внутренний психологический барьер для невосприимчивости к деструктивной пропаганде.

Особая категория – это мусульманская и исламизированная молодёжь. По ряду объективных и субъективных причин на современном этапе истории именно она стала основной мишенью радикальных исламистов. Исламизм стал очень удобным способом достижения своих групповых политических, коммерческих и иных интересов, причём не только для мусульман. Он активно используется для дестабилизации обстановки в различных регионах мира. Не стала исключением и наша страна.

На рубеже XX и XXI вв. сложилась ситуация, когда ни государство, ни российские мусульманские организации не могли эффективно противостоять разрушительной исламистской идеологической агрессии. Катастрофически не хватало хорошо образованных патриотически настроенных богословов. И наоборот, хорошо подготовленные зарубежные эмиссары, пользуясь почти полной религиозной безграмотностью мусульманского населения России, умело жонглировали исламистской фразеологией, выдавая её за истину.

Не оправдала себя и сделанная в те годы ставка на быструю подготовку отечественных исламских кадров за рубежом. Практика показала, что они, оказавшись оторванными в ходе обучения от религиозных и культурных традиций российских мусульманских народов, гражданской и политической ориентации, либо оказались неадаптированными к условиям России, либо даже пополнили ряды агрессивных радикальных пропагандистов. В результате тысячи обманутых молодых мусульман пополнили ряды террористов.

В этих условиях основным звеном незримой идеологической борьбы с радикальным исламизмом стала борьба за исламское образование, так как было понятно, что от того, кто будет контролировать эту сферу, будет зависеть будущее нашего мусульманского сообщества. Именно поэтому в 2004 г. по

поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина Министерство образования и науки Российской Федерации разработало и с 2006 г. совместно с основными мусульманскими организациями начало осуществлять «Комплекс мер по поддержке сферы религиозного образования, прежде всего исламского». Началось воссоздание, а если говорить прямо, фактически построение новой отечественной системы исламского образования.

Сегодня мы уже можем говорить о том, что отечественное исламское образование прочно встало на ноги. Удалось решить сложные вопросы создания материально-технической базы ряда исламских вузов и медресе, разработать и внедрить в учебный процесс широкий комплекс учебных программ, включающий в себя значительный светский компонент общего образования, принять в 2008 году государственный стандарт высшего профессионального образования по специальности «исламская теология». В рамках утверждённого стандарта подготовлены качественные учебники и учебные пособия, написаны и апробированы курсы лекций, а также программы патриотического воспитания будущих служителей мусульманского вероисповедания.

В рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 гг., утверждённого распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, с изменениями от 20 декабря 2017 г. № 2878-р и от 8 июня 2018 г. № 1148-р (далее – план мероприятий), нам удалось сформировать эффективно работающий межвузовский консорциум по проблемам религиозного (исламского) образования. В него входят Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Пятигорский государственный университет, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы⁴. В лице Института востоковедения Российской академии наук, имеющего широко известные исламоведческие традиции, а в новых условиях ставшего партнёром исламского богословия, по крайней мере, как уточняет А. К. Аликберов, «в тех вопросах, в которых они могут плодотворно сотрудничать на благо общества» [13, с. 71], межвузовский консорциум имеет надёжного партнёра по экспертному, научно-методическому сопровождению организаций – участников реализации плана мероприятий⁵.

Как подчеркнул президент России В. В. Путин в Казани на встрече 25 января 2018 г. с муфтиями централизованных религиозных организаций мусульман

⁴ В 2018 г. особо отличившиеся работники вузов «за значительные заслуги в сфере образования и многолетний добросовестный труд» были награждены Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации. В частности, директор Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Р. Р. Хайрутдинов и доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ О. А. Берникова.

⁵ В 2018 г. научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН В. В. Намкин, заместитель директора Института А. К. Аликберов и научный сотрудник Ш. Р. Кашаф награждены Почётными грамотами Минобрауки России «За значительные заслуги в сфере образования и многолетний добросовестный труд».

России и руководителями Болгарской исламской академии, «сама по себе практика взаимодействия с крупными федеральными вузами очень важна, особенно на данном этапе развития религиозного образования, сотрудничество с крупным учебным заведением, с научным центром придаёт совершенно другую окраску и уровень (...) религиозному образованию, особенно на этапе становления, делает его фундаментальным»⁶.

Параллельно ведёт свою деятельность сформированный Совет по исламскому образованию, в который входят более 30 крупнейших исламских вузов и медресе. Эти органы позволяют в постоянном режиме мониторить происходящие процессы и быстро вносить соответствующие коррективы.

Подобный опыт взаимодействия светских и духовных исследовательских и образовательных институтов, которому в России уже много лет, как утверждает действительный член Российской академии наук М. Б. Пиотровский, «интересен, полезен и уникален». Поскольку он «является исторической основой для нового этапа тесного взаимодействия между ними, принятия единой концепции исламского образования или углублённого изучения истории и культуры ислама», то при умелом и разумном использовании «российского рецепта» возможно излечиться от недуга экстремизма, считающегося порождением малого знания [14, с. 50].

Сегодня обеспеченность развития всей системы исламского образования в интересах мусульманского сообщества России в наибольшей степени выражается в возможности государственной поддержки исламских университетов и институтов в Казани, Уфе, Грозном, Нальчике и Махачкале через крупные государственные вузы. По заверению Президента Российской Федерации, она и далее будет оказываться.

Обозначенный автором настоящих строк проект является примером наиболее удачного сотрудничества государственных и мусульманских религиозных структур в деле духовного мусульманского образования как фактора противодействия деструктивным идеям экстремизма и терроризма. Сегодня уже сотни выпускников российских исламских вузов и медресе работают в мусульманских общинах страны.

Большие надежды мусульманская умма страны возлагает на открывшуюся в Татарстане Болгарскую исламскую академию. Она, в соответствии с поручением главы Российского государства, должна стать общероссийским центром мусульманского обучения. Со временем академия, которая уже активно включилась в многотрудную работу по возрождению богословского наследия мусульманских народов России (см., например, [15]), может вырасти в крупный международный научно-образовательный центр подготовки специалистов, способных достойно укрепить позиции традиционных для России направлений в исламе.

⁶ Путин: сотрудничество со светскими вузами выводит исламское образование на новый уровень. *Газета.ру*. 2018. 25 янв. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2018/01/25/n_11088913.shtml

Литература

1. Соснин В. А. Интернет-технологии в основе трансформации массового сознания и поведения. В: Журавлев А. Л., Китова Д. А. (ред.) *Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы*. М.: Институт психологии РАН, 2018:27–35.
2. Linley P. A., Joseph S., Cooper R., Harris S., Meyer C. Positive and negative changes following vicarious exposure to the September 11 terrorist attacks. *Journal of Traumatic Stress*. 2003;16(5):481–485.
3. Linley P. A., Joseph S. Positive change following trauma and adversity: A review. *Journal of Traumatic Stress*. 2004;17(1):11–21. DOI: [10.1023/B:JOTS.0000014671.27856.7e](https://doi.org/10.1023/B:JOTS.0000014671.27856.7e).
4. Хлобустов О. М., Федоров С. Г. Терроризм: реальность сегодняшнего состояния. В: Степанов Е. И. (ред.) *Современный терроризм: состояние и перспективы*. М.: Эдиториал УРСС; 2000:72–96.
5. Соснин В. А. *Психология терроризма и противодействие ему в современном мире*. М.: Институт психологии РАН, 2016. 341 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Самородова В. В. Образование как инструмент обеспечения безопасности. *Казанский педагогический журнал*. 2017;(3):17–22.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ; 2010. 256 с.
9. Стародубровская И. В. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации. *Экономическая политика*. 2015;10(3):68–88. DOI: [10.18288/1994-5124-2015-3-04](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-04).
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
11. Седанкина Т. Е. Внедрение в образовательный процесс основ религиозной аксиологии: пути решения. *Филология и культура*. 2013;(1):260–263.
12. Самородова В. В. Конструктивный диалог с молодёжью как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма. *Казанский педагогический журнал*. 2017;(6):9–12.
13. Аликберов А. К. Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарных знаний (По следам одной научной дискуссии). В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (ред.) *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Наука; Восточная литература; 2016:51–76.
14. Пиотровский М. Б. О некоторых принципах концепции преподавания истории и культуры ислама в России. В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (ред.) *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Наука; Восточная литература; 2016:43–50.
15. *Богословское наследие мусульманских народов России. Материалы международной конференции Болгарские чтения*. Болгар: Болгарская исламская академия, 2018. 196 с.

References

1. Sosnin V. A. The internet public technologies and their influence in transforming the mass behavior. In: Zhuravlev A. L., Kitova D. A. (eds) *The psychological approach to the*

global processes. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2018:27–35. (In Russ.)

2. Linley P. A., Joseph S., Cooper R., Harris S., Meyer C. Positive and negative changes following vicarious exposure to the September 11 terrorist attacks. *Journal of Traumatic Stress*. 2003;16(5):481–485.

3. Linley P. A., Joseph S. Positive change following trauma and adversity: A review. *Journal of Traumatic Stress*. 2004;17(1):11–21. DOI: [10.1023/B:JOTS.0000014671.27856.7e](https://doi.org/10.1023/B:JOTS.0000014671.27856.7e).

4. Khlobustov O. M., Fedorov S. G. Terrorism and the reality of today. In: Stepanov E. I. (ed.) *The contemporary terrorism*. Moscow: Editorial URSS; 2000:72–96. (In Russ.)

5. Sosnin V. A. *The terrorist psychology and the combatting terrorism in the modern world*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 341 p. (In Russ.)

6. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press; 2005.

7. Samorodova V. V. Education as a tool of supplying safety. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2017;(3):17–22. (In Russ.)

8. North D. C. *Understanding the process of economic change*. Princeton: Princeton University Press; 2005.

9. Starodubrovskaya I. V. Informal institutions and radical ideologies in the process of institutional transformation. *Ekonomicheskaya Politika = Economic Policy*. 2015;10(3):68–88. DOI: [10.18288/1994-5124-2015-3-04](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2015-3-04). (In Russ.)

10. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

11. Sedankina T. E. Education process combined with religious axiology: ways and solutions. *Filologiya i kultura = Philology and Culture*. 2013;(1):260–263. (In Russ.)

12. Samorodova V. V. A dialogue with the youth as a way of terrorism and extremism combatting. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2017;(6):9–12. (In Russ.)

13. Alikberov A. K. Islamic studies in Russia. Their tasks and their place in the framework of humanities. (Reflections on a scholarly discussion) In: Piotrovskii M. B., Alikberov A. K. (eds) *Ars Islamica. A Festschrift in honour of Stanislav Prozorov*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura; 2016:51–76. (In Russ.)

14. Piotrovskii M. B. Regarding the teaching Islamic history and culture in Russia. Its starting points and concepts. In: Piotrovskii M. B., Alikberov A. K. (eds) *Ars Islamica. A Festschrift in honour of Stanislav Prozorov*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura; 2016:43–50. (In Russ.)

15. *Islamic peoples of Russia and their theological heritage. Proceedings of the International meeting "Bolgarskie Chteniya"*. Bulgar: Bulgarian Islamic Academy, 2018. (In Russ.)

Информация об авторе

Самородова Вера Валентиновна,
и. о. директора Департамента государственной службы и кадров Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

About the author

Vera V. Samorodova, Deputy Director of the Department of the Government Service and Personnel of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.